

**«ВОВСЕ НЕ УДОСТОВЕРЕНИЕМ ОПРЕДЕЛЯЕТСЯ
ПИСАТЕЛЬ, А ТЕМ, ЧТО ОН ПИШЕТ»:
МЕЖДУНАРОДНАЯ НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКАЯ
КОНФЕРЕНЦИЯ «М. А. БУЛГАКОВ:
РУССКАЯ И НАЦИОНАЛЬНЫЕ ЛИТЕРАТУРЫ»
(ЕРЕВАН, 9–11 ОКТЯБРЯ 2017 г.)**

С 9 по 11 октября в Ереване проходила Международная научно-практическая конференция, посвященная 125-летию со дня рождения М. А. Булгакова. Конференция, собравшая более 60 участников из разных стран, стала тринадцатым по счету научным симпозиумом в серии ежегодных встреч исследователей русской литературы в гостеприимной стране древней культуры – Армении. С 2009 г. научный руководитель «Центра русского языка и культуры» Ереванского государственного университета языков и социальных наук им. В. Я. Брюсова, д-р филологических наук, проф. М. Д. Амирханян организует юбилейные конференции, центром которых становились такие писатели, как Гоголь, Чехов, Толстой, Лермонтов, Некрасов, Пушкин, Островский, Тургенев, Салтыков-Щедрин, Грибоедов, Карамзин. Ереванские конференции привлекают внимание не только литературоведов, но и лингвистов, историков, искусствоведов, социологов. Форум этого года был проведен совместно с Институтом гуманитарных наук и управления МГПУ (Россия). Выступивший с поздравлениями в адрес участников конференции ди-

ректор Института проф. В. В. Кириллов отметил уникальность проекта армянских филологов, в рамках которого за годы проведения подобных конференций выступило более 500 исследователей. Собравшихся приветствовали ректор университета К. Арутюнян, а также проректор Российского нового университета проф. Е. А. Палкин, который сообщил присутствующим о присвоении М. Амирханяну звания Почетного профессора РосНОУ.

Открывший конференцию М. Д. Амирханян отметил, что Булгакова связывали с Арменией, прежде всего, дружеские отношения с деятелями культуры, имевшими армянские корни – композитором А. Спендиаровым, театральным художником Г. Якуловым, театральным режиссером и актером Р. Симоновым, дирижером А. Мелик-Пашаевым. Подробнее на этом остановился Р. А. Багдасарян (Национальное Собрание РА) в докладе *Армянские друзья Михаила Булгакова*.

Проблемам восприятия и перевода творчества Булгакова в Армении и Грузии было посвящено еще несколько докладов и статей, опубликован-

ных накануне конференции в сборнике «М.А. Булгаков: русская и национальные литературы»: *О роли просторечной лексики в создании художественного образа в переводной литературе (на материале армянских переводов повести М. Булгакова «Собачье сердце»* (А. С. Атанесян, Ю. М. Ходжоян, Ереванский госуниверситет), *Лингвостилистические особенности грузинского перевода романа М. А. Булгакова «Мастер и Маргарита»* (М. Г. Микадзе, Госуниверситет им. А. Церетели, Кутаиси).

В выступлении А. Г. Долуханян (Национальная Академия наук РА) было подчеркнуто, что в переводе романа «Мастер и Маргарита» на армянский особенно хороши главы о Иешуа и Понтии Пилате. Одна из причин этого – существование отличного армянского перевода Библии, сделанного еще в нач. V в. Это позволило переводчику А. Оганисяну опираться на армянские эквиваленты библейских реалий и именований.

И. И. Модебадзе (Институт грузинской литературы, Тбилиси) рассказала о рецепции Булгакова современным грузинским читателем и о функционировании романа «Мастер и Маргарита» в интертексте грузинского литературного постмодернизма «в виде аллюзий, реминисценций и цитат». Ярким примером того является роман-предупреждение Б. Хведелидзе «Источник притаившейся грусти» (2004), в котором есть также референция к русской культуре в целом, так как действие разворачивается на берегах «моря Айвазовского». Ученые из Тбилисского госуниверситета М. С. Николаишвили и Н. П. Баграгион-Давиташвили обратили внимание на то, что именно с Грузии начинается (первые га-

зетные публикации на Кавказе) и Грузией завершается (пьеса «Батум»), связанная с молодыми годами Сталина и несостоявшаяся поездка в Грузию в 1939 г.) литературная судьба Булгакова.

К проблеме перевода «индивидуального культурного кода писателя» на язык представителей иной лингвокультуры обратилась и А. И. Милостивая (Северо-Кавказский федеральный ун-т, Ставрополь) в докладе о неаддитивности смыслов культуронимов в романе «Мастер и Маргарита». В центре выступления было декодирование семиотических кодов «Одежда» и «Межличностные отношения» в пространстве английского и немецкого языков, которое сопровождалось интересными лингвистическими примерами.

Ряд выступлений был посвящен вопросам поэтики Булгакова. С точки зрения О. К. Страшковой (Северо-Кавказский федеральный ун-т), композиционный прием «театр в театре» играет ведущую роль в организации гротескового пространства в сатирических пьесах Булгакова. На процессе создания драматичного карнавализованного образа России с помощью метатеатральности и языковой игры в одном из фельетонов Булгакова 20-х гг. сосредоточил свое внимание и А. В. Кубасов (Уральский государственный педагогический ун-т, Екатеринбург). Наблюдения Е. А. Яблокова (Институт славяноведения РАН, Москва) над булгаковскими таутонами позволили ему прийти к умозаключению: необычные имена персонажей Булгакова являются одним из признаков общей «карнавальности» его художественного мира, но могут также маркировать онтологических «перевертышей»,

наделенных «сверхчеловеческими» способностями.

К. Д. Гордович (Санкт-Петербургский госуниверситет промышленных технологий и дизайна) заинтересовалась трагическими финалами произведений Булгакова («Бег», «Театральный роман», «Мастер и Маргарита»). Докладчик определила «степень» трагичности некоторых героев этих произведений, обратив внимание на то, что Максудов являет собой вариант частной трагедии личности во враждебном мире, а трагедии индивидуальной судьбы Хлудова, Пилата и Иешуа «расширяются» в контексте истории. Можно спорить о том, действительно ли торжественный и высокопарный финал «Мастера и Маргариты» являет собой трагическую развязку, сопоставимую с финалом «Бега». Впрочем, К. Гордович сама заметила, что последние страницы романа, скорее, «печальны», чем трагичны.

В. А. Поздеев (Вятский госуниверситет, Киров), отталкиваясь от принципа «зеркальности» как структурообразующего композиционного начала романа «Мастер и Маргарита», рассмотрел соотношенность отдельных персонажей (Берлиоз и Иван Бездомный, Пилат и Каифа и др.) в таких «эмоциональных точках» их психологического состояния, как страх и бесстрашие. Полемику вызвало выступление Л. С. Кисловой (Тюменский госуниверситет), которая отнесла пьесу Булгакова «Бег» к жанру травелога, где сюжетообразующим мотивом является мотив странствия. Несмотря на то, что Л. Кислова говорила о переосмыслении писателем ключевых моментов этого древнейшего литературного мотива, слушатели выражали концептуальное несогласие с позицией

исследователя, подчеркивая вынужденность путешествия героев Булгакова.

Белые и черные сны в пьесе «Бег» как проявление принципиальной двойственности цветосемантики стали объектом внимания О. А. Казьминой (Юго-Западный ун-т г. Чунцин, Китай), а Е. В. Киричук (Омский госуниверситет), восстановив литературный и музыкальный контексты романа «Белая гвардия», указала на то, что культурный код этого романа позволяет читателю «разорвать» исторический контекст и выйти на уровень авторской идеи раздельности преходящего и вечного. Размышления о заглавии повести «Записки на манжетах» и посвящении к ней были представлены А. И. Смирновой (Московский городской педагогический ун-т, МГПУ): паратекст этого произведения включает в себе онтологический смысл, «записки», согласно верному наблюдению А. Смирновой, являют собой не просто письменные знаки, но «документ», сигнал бедствия и эпитафию по поводу кончины великой русской литературы.

Филологические изыскания разнообразили выступления историков. О. Г. Малышева (МГПУ) в докладе *Гражданская война в жизни и творчестве М. А. Булгакова* говорила о том, что для историков творчество писателя является чуть ли не документальным источником, потому что он описывал события как профессиональный историк, точно передавая атмосферу «гражданского противостояния» в политической, экономической и духовной сферах первых послереволюционных лет. Для самого же писателя «колоссальная социальная смута» стала временем определения своей гражданской и культурной идентичности. Многие произведения Булга-

кова свидетельствуют как о личном опыте автора, так и о его работе с устными воспоминаниями очевидцев, полевыми картами мест сражений и пр.

Л. Г. Орчакова (МГПУ), исследуя антиэтатистские взгляды Булгакова, определила позицию писателя как монархическую. Докладчик выразила сомнение в правомерности поиска филологами прямых аналогий между персонажами булгаковской прозы (Персиковым, Воландом) и В. Ульяновым-Лениным. Заметим, однако, что отдельные утверждения Л. Орчаковой выглядят не менее сомнительно. Например: идеал будущего, выраженный писателем в пьесах «Блаженство» и «Адам и Ева», – это «коммунизм, социум, возникающий в процессе борьбы над капитализмом», или: в ответ на создание советской властью приемлемых бытовых условий, Булгаков «обещает в одном из своих произведений литературно, философски обосновать неизбежность возникновения советского государства. Обещание свое Михаил Афанасьевич выполняет, художественно описывая такую позицию в романе “Мастер и Маргарита”».

Столь же неоднозначное впечатление вызывают и соображения филолога В. В. Мадояна (Национальный госуниверситет архитектуры и строительства Армении), высказанные в докладе *Реальность и миф в зеркале истории Михаила Булгакова*. Исследователь выразил сожаление о том, что никто (!) из исследователей творчества Булгакова не указал на связь описанных Булгаковым библейских времен с современным ему временем. Возможно, оттого что в докладе В. Мадояна не были строго определены категории мифа, иллюзии и реальности, те или иные положения докладчика про-

тиворечили друг другу, а его полемический запал порой выглядел наивным: «Неужели в образе Шарикова из повести “Собачье сердце” гиперболически проклята вся идея социализма и социалистического строительства в СССР? Если да, то его отрицательному образу должен быть противопоставлен образ положительный, каковыми могли быть образы старой (царской) России, современной ему Европы, США, Канады».

Роман «Белая гвардия», к которому часто обращались упомянутые выше докладчики, послужил материалом для исследования одной из константных моделей русской культуры – феномена самозванчества. Это тема была поднята в докладе С. Б. Калашникова (Волгоградский государственный ун-т), который, опираясь на семиотический анализ романа, выстроил объяснительную модель самозванчества, предложенную Булгаковым. Историческое время, представленное в романе, рассмотрено С. Калашниковым как реализация ситуации «конкурса самозванцев» (гетмана Скоропадского, Петлюры, Троцкого). На уровне повторяющихся структур революционные события в романе были уподоблены «смутному времени» нач. XVII в. и «пугачевщине» XVIII в. и рассмотрены в оценочной парадигме «кризиса различий», когда во внешнем мире утрачивается единый центр власти, рушится четкая иерархия прежних сакральных ценностей и становится невозможным отличие истинного от ложного.

Особый интерес представляли выступления, посвященные «схождению» между различными литературными явлениями. В совместном докладе О. С. Бердяевой и Н. Ф. Ивановой (Новгородский госуниверситет) *Деонтология Чехова и*

Булгакова: к проблеме художественной традиции было отмечено, что профессиональная деятельность врача в прозе Чехова отходит на второй план, герой как врач не раскрывается; у Булгакова же наличествуют натуралистические детали в изображении врачебной деятельности, есть динамика образа врача. Тем не менее, личный врачебный опыт пульсирует в творчестве обоих – в описании уездной жизни, в медицинских сюжетах, в образах пациентов, фельдшеров. Для обоих важна проблема этических норм и принципов поведения медицинского работника. С этой точки зрения анализу были подвергнуты некоторые рассказы Булгакова и Чехова. Здесь отметим, что о динамике метаморфоз и трансформаций героя-врача как о инициационном макросюжете «Записок юного врача» рассказала А. А. Боровская (Астраханский госуниверситет), подчеркнув, что наличие такого сюжета свидетельствует о тяготении Булгакова к большой эпической форме.

Инфернальные женские образы в рассказах А. Грина в соотнесении с булгаковским образом Маргариты и гоголевским мистицизмом были предметом рассуждений Т. Ю. Диковой (Российский госуниверситет нефти и газа, Москва). Докладчица указала на то, что мистические озарения Гоголя, Булгакова и Грина вписываются в социально-бытовой контекст, но ирреальные потусторонние силы направляют повседневную жизнь в русло, неведомое для рационалистического и для традиционно мистического (воцерковленного) сознания. Схожие героини Гоголя (Панночка), Грина («расслоившийся» идеальный образ Ассоль в его рассказах) и Булгакова все же различны по степени этической со-

стоятельности. Слабо мотивированными и несколько надуманными показались соображения О. Ф. Ладохиной (МГПУ), попытавшейся найти общие черты в художественном изображении «демонической» героини рассказа Л. Улицкой «Пиковая Дама» и героини «Мастера и Маргариты».

Классической для русской литературы (от Гоголя до Чехова) теме мещанства и обывателя были посвящены доклады И. Н. Ивановой (Северо-Кавказский федеральный ун-т) и Е. В. Белопольской (Южный федеральный ун-т, Ростов-на-Дону). Е. Белопольская обратилась к социально-бытовой сфере как объекту изображения в рассказах и фельетонах Булгакова нач. 1920-х гг. и к проблеме «утраты личной идентификации». Терминологически несколько смутила выделенная исследовательницей «оппозиция частного и чужого пространства» в ранней прозе писателя, нарушившая резонные ожидания противопоставления частного и публичного, своего и чужого. Кстати, лингвокультурному концепту «быт» в контексте булгаковской картины мира и одновременно в контексте русской национальной языковой картины мира было посвящено лаконичное, корректное выступление Ю. А. Мареевой (РГУ нефти и газа, Москва).

И. Иванова в докладе «*Мурло мещанина*» в прозе М. Булгакова и М. Зощенко отделила русского обывателя от европейского (например, немецкого филистера) и остановилась на явлении советского мещанства, сатирически изображенного в «Белой гвардии», «Собачьем сердце», «Мастере и Маргарите» Булгакова и в «Голубой книге» Зощенко. Докладчик пришла к выводу, что для обоих писателей мещанство – нечто

вроде онтологического феномена, не зависящего непосредственно от общественного строя, «зажиточности» и наличия или отсутствия «нового быта». Тем самым И. Иванова подклочила Булгакова и Зощенко к той традиции осознания мещанства, которая характерна для творчества В. Маяковского, Е. Замятина, В. Набокова, осмыслявших мещанство как судьбу мировой цивилизации XX в.

С. М. Калашникова (Южный федеральный ун-т) увидела в творчестве Булгакова возможное влияние историко-философской трилогии Д. Мережковского (конкретнее – романа «Антихрист. Петр и Алексей»), а отзвуки идеи Петра как творческой личности (Петр – Мастер) – в оперном либретто Булгакова «Петр Великий». Конечно, мифологические и исторические представления и параллели усложняют образ императора у писателя Серебряного века, у Булгакова же контрастность образа (деспот и Мастер) снята в пользу положительной оценки. В поисках истоков фамилии Персикова к доказательному сопоставлению второго романа трилогии Мережковского, «Леонардо да Винчи», и повести Булгакова «Роковые яйца» был обращен один из аспектов доклада К. Г. Мартиросян (Ереванский госуниверситет языков и социальных наук) *Выражение перевернутости мира на архетипическом уровне в повести М. Булгакова «Роковые яйца»*.

Собственные интересные, хотя и небесспорные, размышления представила Т. С. Фролова (Томский православный благотворительный общественный фонд) в докладе *М. Булгаков в диалоге с Л. Толстым (проблема власти: Божье и кесарево)*. Исследователь сосредото-

чилась на религиозно-философской проблематике, которая «удерживается» героями-идеологами романа «Мастер и Маргарита». Скрытые цитаты в романе отсылают к философским источникам, в частности, к идеям В. С. Соловьева, которые легли в основу трех версий исторического конфликта: от Воланда, от Мастера, от Ивана Бездомного. Соловьев и Булгаков, по мнению Т. Фроловой, верят в великую миссию национальной государственности Церкви. Идеи же Л. Н. Толстого, передоверенные Иешуа, Пилату, Берлиозу и Воланду, в ситуациях столкновения этих персонажей демонстрируют противоречия в мировоззрении Толстого и парадоксальную историческую судьбу толстовских идей. Вразрез с суждениями Фроловой звучали утверждения А. Н. Амирханяна (Армянский государственный педагогический ун-т) о «Воланде-богоискателе» и о Мастере – персонификации «нечистой силы» (доклад *М. Булгаков и Л. Толстой: к вопросу о концепте «социум»*). К сожалению, в этом исследовании крайне пестры отсылки к неоднородным художественным, философским и религиозным текстам, много публицистических отступлений, и это разрушает доказательную базу столь оригинальных высказываний автора.

К широкому историко-культурному контексту, в котором рассматривается «закатный» роман Булгакова, новые краски добавил А. В. Коровин (Московский педагогический госуниверситет). Исследователь указал на возможные типологические параллели между романом Булгакова «Мастер и Маргарита» и произведениями датского романтика Х. К. Андерсена. Наибольшую близость роману Булгакова демонстрирует сказка

«Тень» в рамках определенного аспекта распространенной как в русской, так и в европейской литературе темы двойничества – мотива тени (зла). Этот мотив датские литературоведы связывают с образом Воланда как проекцией «нового» (коммунистического) мира, более страшного, чем само воплощение зла – дьявол. Схожи и безымянные (ибо воплощают связанную с вечностью суть искусства) герои Андерсена и Булгакова, только Ученый в «Тени» идет на компромисс и гибнет, а Мастер, восстанавливающий добро в мире с помощью Воланда, побеждает.

Целый блок докладов был посвящен текстологической проблематике, процессам освоения наследия Булгакова в определенных исторических условиях. В докладе Г. П. Михайловой (Вильнюсский ун-т, Литва) рассматривались посвященные М. А. и Е. С. Булгаковым ахматовские стихотворения в качестве средства легитимации писателя в определенных сегментах литературного поля. В содержательном докладе Э. Ф. Шафранской (МГПУ) *Ташкентский контекст в рукописной жизни «Мастера и Маргариты»* акцентировалась первостепенная роль ташкентского литературоведа А. З. Вулуса, который в своей монографии «Советский сатирический роман: эволюция жанра в 20 – 30-е годы» (1965) на шестнадцати страницах представил еще не известный советскому читателю булгаковский роман. Он же хлопотал о публикации «Мастера и Маргариты», готовил предисловие к роману.

Э. Д. Меленевская (Всероссийская государственная библиотека иностранной литературы, Москва) продолжила тематику доклада Э. Шафранской, под-

черкнув, что смертельная болезнь главного редактора журнала «Москва» Е. Е. Поповкина (косвенно связанного с Ташкентом через один из номеров журнала «Звезда Востока»), о которой ему было известно, стала немаловажным фактором того «бесстрашия», с которым журнал опубликовал «катакомбный» роман Булгакова. Докладчик поделилась своими впечатлениями от прочтения первого номера журнала «Москва» за 1967 г. глазами современного читателя. Открылись увлекательные факты: 1967 г. был годом 50-летия Октябрьской революции и 10-летним юбилеем самого журнала. Помимо того что некоторые булгаковские сюжеты звучат очень современно, другие публикации журнала также весьма интересны с точки зрения исторической перспективы. Анализируя «Разговор с другом-читателем» Е. Поповкина, Меленевская указала, что именно в «Москве» были опубликованы перевод «Маленького принца» А. де Сент-Экзюпери, «достойные вещи» К. Паустовского, В. Каверина, В. Драгунского. В юбилейном же номере напечатаны «уныло бодрые и натужно философичные» подборки стихов, бездарный рассказ Б. Евгеньева – автора тех купюр в тексте «Мастера и Маргариты», которые были сделаны публикаторами.

Т. А. Снигирева и А. В. Подчиненов (Уральский федеральный ун-т; Институт истории и археологии УрО РАН, Екатеринбург) представили свою, насыщенную как собственно булгаковским материалом, так и широким социокультурным контекстом, версию «герменевтической “жизни”» Булгакова, выделив в ней три ситуации явления художника: период оттепели как время интеллигентской легенды о романтическом и

мистическом Мастере и начало серьезного изучения его творчества; эпоха рубежа веков как период публикации всего творческого наследия писателя, утверждения за ним статуса классика и лидера духовной оппозиции, а также связанного с именем писателя кинематографического и театрального бума. Тогда же предаются гласности антиканонизирующие высказывания о Булгакове (В. Набокова, А. Солженицына) и авторские интерпретационные концепции: к примеру, концепция отпадения от веры в субъективном жизнеописании Булгакова, представленном в серии ЖЗЛ А. Варламовым. Третье явление исследователи связали с активным использованием творчества Булгакова масскультуром: пример – китчевый роман П. Глобы «Астролог. Код Мастера» (2011).

Вне сомнения, существенной и любопытной была та информация, которой поделились исследователи, имеющие дело с писательскими архивами. Заведующая сектором изучения наследия А. Солженицына Дома русского зарубежья Г. А. Тюрина рассказала об отношении Солженицына к личности и творчеству Булгакова. Солженицын, «восторженным студентом» видевший московскую постановку «Дней Турбиных» и постеснявшийся лично познакомиться с писателем, подружился с его вдовой. Он имел отношение к литературной судьбе Булгакова: мнение Солженицына оказалось решающим для разрешения сомнений Е. С. Булгаковой: где и как обнародовать роман – в сам(там)издате или в официальной советской печати. Во исполнение завещания Булгаковой Солженицын посвятил Булгакову два эссе в своей «Литературной коллекции». Обработка колоссального архи-

ва Солженицына только начинается, и, вне сомнения, архив таит в себе разного рода заметки, касающиеся как личности Булгакова, так и его творчества. Е. Ю. Кольшева (МГПУ) поделилась историей своей работы над изданием двухтомника «Мастер и Маргарита. Полное собрание черновиков романа. Основной текст» (2014). Черновики переданы в этой книге методом динамической транскрипции и сопровождаются текстологическим комментарием. В таком ключе докладчик, дотошно изучившая архивные источники, рассмотрела развитие темы милосердия в редакциях романа 1928–1930, 1936, 1937–1938 гг. и в «основном тексте» романа. Отметив разночтения в изданиях романа 1973 г. и 1989 г., Е. Кольшева заострила внимание на том, что источником этих публикаций была машинопись Е. С. Булгаковой 1963 г. В то время как источником романа следует считать машинопись 1938 г., то есть текст романа, продиктованный Булгаковым О. С. Бокшанской. В машинописи Булгаковой имеется ряд правок (например, правка повторов, свойственных замыслу и стилю Булгакова). Таким образом, текст «Мастера и Маргарита» в издании 2014 г. является «максимально приближенным» к тексту, написанному самим Булгаковым. Справедливости ради заметим, что первым текстологом, который получил доступ к булгаковским черновикам, была М. О. Чудакова, которая опубликовала немало работ, посвященных истории текста «Мастера и Маргариты». А в 2006 г. в Москве был издан большой том булгаковеда В. И. Лосева «Мой бедный, бедный мастер...», подзаголовок которого гласит «Полное собрание редакций и вариантов романа “Мастер и Маргарита”».

Обостренное внимание участников конференции привлек доклад Т. А. Ту-жиковой *Музейная педагогика и краеведение в изучении творчества М. Булгакова* (Томский государственный педагогический ун-т). В интеграции с краеведением и музейной педагогикой возможно эффективное укрепление культурологической основы урока, рассмотрение литературного произведения в диалоговом пространстве. Содружество музея и школы, как показала практика томских гуманитариев, позволяет сочетать музейные ресурсы (архивные источники, фотофонды, переписку писателей и пр.) с работой над текстом. Один из форматов деятельности томских учителей и музейных работников – это виртуальные литературно-биографические, литературно-краеведческие (например, пешеходная прогулка по Москве), историко-литературные, литературно-художественные экскурсии, обзорные сайты по Булгакову.

Подчеркну, что заинтересованность в научных результатах булгаковского симпозиума и кропотливая работа организатора конференции М. Амирханяна нашли отражение, в частности, в том, что до начала всех ереванских конференций издаются объемные коллективные монографии, содержащие все доклады и программу конференции. Формат обзора конференции не позволяет включить в себя подробное освещение всех выступлений и статей, опубликованных в монографии «М. А. Булгаков: русская и национальные литературы». Поэтому скажу, что в работе конференции также принимали участие ученые из Оренбур-

га, Саранска, Челябинска, Краснодара, Ванадзора, Ташкента, Астаны, Токио, Нанкина. Их доклады касались диалогического дискурса и языковых форм идентификации и самоидентификации персонажей в произведениях Булгакова, гендерных и мифологических аспектов образов Маргариты и Сталина, художественной детали в произведениях Чехова и Булгакова, жанрово-стилистических особенностей новеллистики Булгакова и принципов его работы с гоголевским текстом, поэтики неклассической сатиры в пьесах Булгакова, элитологических воззрений писателя, интертекстуальных связей между творчеством Булгакова и Анненского, перцепции радио в творчестве Булгакова в контексте советской культуры 1920–30-х гг., кинематографических способов интерпретации произведений Булгакова и различных аспектов изучения его творчества в русской и национальной школе.

Высокому научному уровню конференции и интеллектуальному общению ее участников, безусловно, способствовала та атмосфера погружения в контекст культурного наследия Армении, которую создали организаторы симпозиума: посещение хранилища древних манускриптов Матенадаран, языческого храма Гарни, монастырей Хор-Вирап, Гегард и Эчмиадзина, с которыми связаны драматические истории раннего армянского христианства, прикосновение к архаическим пейзажам мироздания, открывающимся с высоты кавказских гор, и к горю и скорби армянского народа – Цицернакаберду.

Галина Михайлова